

осуществленного в философии Сковородою [4, с. 3], подчекнув важность констатации **персоналистического поворота** творчества украинского философа.

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Смысл философии одиночества и общения / Сост. П. В. Алексеев // Н. А. Бердяев. Философия свободного духа. — М. : Республика, 1994. — С. 229–316.
2. Біблія, або Книги Святого Письма Старого й Нового Завіту. — К. : Біблійні товариства, 1995. — 960+296 с.
3. Мунье Э. Манифест персонализма // Манифест персонализма: Пер. с фр. И. С. Вдовиной и В. М. Володина. — М. : Республика, 1999. — С. 267-410.
4. Попович М. Григорій Сковорода: філософія свободи / М. Попович. — К. : Майстерня Білецьких, 2007. — 256 с.
5. Сковорода Г. С. Наркіс. Розмова про те: пізнай себе / Пер. В. Шевчука // Сковорода Григорій. Твори в двох томах. Т. 1. Поезії. Байки. Трактати. Діалоги — Укр. Науковий інститут Гарвардського ун.-ту. Інститут л-ри ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 1994. — С. 151-195.
6. Ясперс К. Философия : в 3 кн. — Кн. 3. Метафизика / пер. А. К. Судакова. — М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2012. — 296 с.

Елена Величко (Киев)

УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ КАК ДУХОВНОМ ХУДОЖЕСТВЕ преп. ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКОГО

В православном церковном календаре память о преп. Паисии Величковском совершается 28 ноября – в первый день Рождественского поста. Удостоился преп. Паисий великой чести быть прославленным за многие заслуги, в списке которых значится как святая подвижническая жизнь, так и восстановление в монашеском пространстве восточнославянских и балканских народов подвига старчества. Известным этот подвижник стал и как собиратель «крин сельных и цветов прекрасных» – бесценного и глубоко почитаемого труда «Добротолюбие», и, наконец, как молитвенник, совершитель и учитель умной Иисусовой молитвы. О нём, как об истинном восстановителе утраченного опыта творения непрестанной молитвы Иисусовой и продолжателе дела преп. Антония Печерского, написаны эти слова: «Сей приснопоминаемый блаженный наш отец Паісій подобеньбьяше преподобному отцу нашему Антонію Печерскому яко истинный правнукъ его, аще и по многих вѣдѣхъвозсія <...>» [1, с. 1941].

Значимо также отметить, что для старца-учителя умнаго делания молитвенный опыт был не только средством достижения великой цели – «умно прилепляться Тебе, Богу нашему», но и предметом непрестанных

размышлений. А в сформировавшихся обстоятельствах, которые имели место быть в жизни того противоречивого века, старец счел возможным изложить плоды своих размышлений на бумаге. Так появился небольшой, состоящий всего из шести глав труд, озаглавленный автором как «Свиток». Впоследствии книга получила широкое признание и была опубликована, но под новым названием: «Об умной или внутренней молитве». Собственно анализом этого текста, предметом осмысления в котором есть умное делание непрестанной молитвы Иисусовой, мы и займемся.

В предисловии к шести главам своего труда преп. Паисий счел необходимым объяснить причины, которые побудили его к такому начинанию. И, не взирая на обширность цитаты? приведем её в полном объеме: «Дошелъ слухъ до меня послѣдняго, что нѣкоторые изъ монашескаго званія дерзають хулить Божественную, приснопамятную и Боготворную Иисусову, умомъ въ сердцѣ священно дѣйствуемую молитву, назидая такое свое языкоболіе на песцѣ сумудрїя, безъ всякаго свидѣтельства» [2, с. 5]. И далее: «Поэтому, оплакавъ такое зломудріе этихъ заблуждающихъ отъ чрева и глаголющихъ лжу (Псал. 57: 4) и опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ неутвержденныхъ въ разумѣ, слыша такихъ баснословія, не впалъ въ подобный имъ ровъ злохуленія, и смертно не согрѣшилъ предъ Богомъ, похуливъ ученіе премногихъ Богоносныхъ отцевъ нашихъ, свидѣтельствующихъ и учащихъ о сей Божественной молитвѣи зъ просвѣщенія Божественной благодати, къ тому же и не терпя болѣе слышать хульнырѣчи на это пренепорочное дѣланіе, и въдобавокъ, убѣждаемый просьбою ревнителѣй этого душеспасительнаго дѣланія, – рѣшился, хотъ это и превышаетъ немощной мой умъ и слабы силы, призвавъ на помощь сладчайшаго моего Иисуса, безъ Котораго никто не можетъ что-нибудь дѣлать, въ опроверженіе лжеименнаго разума пустоумныхъ и на утверженіе Богоизбраннаго стада о имени Христовомъ собравшихся въ нашей обители братїй, написать мало нѣчто о Божественной умной молитвѣи выписками изъученія святыхъ отцевъ, для твердаго, непоколебимаго и несомнѣннаго о ней удостовѣренія» [2, с. 6].

Как следует из выше изложенного в замысле автора, так сказать изначально, «Свиток» содержал полемическую составляющую и, следовательно, имел характер апологии, то есть защиты христианской мысли и учения святых отцов от получившего в то время широкого распространения в Лошинских горах Молдовы еретического учения некоего философствующего монаха-скитальца. Но поскольку, по мнению старца, ересь эта не была нова, то и имела вполне узнаваемое и пришедшее из «Итальянских стран» обличие. Сравнивая образ нового «Калабрийского змия» с еретиком Варлаамом, получившим известность благодаря полемике с архиепископом Фессалонитским преп. Григорием Паламой на предмет священной умной молитвы, авва Паисий задается вопросом: «Совершенно недоумеваю. Призывание ли имени Иисусова, думается Вам бесполезно?» [2, с. 9]. Так всматриваясь в прошлое, вооружившись знаниями Святого Писания и учения

святых Отцов, имевших на то важное дело нужный опыт, преп. Паисий Величковский свои размышления на сей предмет выстраивает в форме поиска ответов на вопросы, которые следуют один за другим согласно выстраиваемой им цепочке рассуждений. Присмотримся и мы к ним повнимательней.

Первый и главный вопрос, которым задается преподобный, сформулирован так: «Если же призывание Иисусово – спасительно, а ум и сердце человека суть дело рук Божиих: то какой порок человеку – воссылать из глубины сердца умом молитву к сладчайшему Иисусу и просить от Него милости?» [2, с. 10]. Но прежде чем пуститься в поиски ответа, необходимо разобраться в том: а что такое молитва? Возможно сказать так: это обращение через именование к кому-то Другому в надежде на то, что этот Другой тебя услышит. К тому же, этот Другой – это Творец всего сущего. Собственно из размышлений о душеполезности непрерывного призывания имени Божия, этой краткой и емкой молитвы – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», и формируется этот диалог: «Или не потому ли вы хулите и отвергаете умную молитву, что вам думается, будто Бог не слышит тайной, в сердце совершаемой молитвы, но слышите только ту, которая произносится устами?» [2, с. 10]. Обращаясь к свидетельству преп. Иоанна Златоуста (беседа 19 на Евангелие от Матфея) преп. Паисий находит также важным заметить, что разговор вовсе идет не о той молитве, которая «произносится одними только устами и языком: но к самой тайной, безгласной, из глубины сердца посылаемой молитве, которую он учит совершать не действиями тела, и не криком голоса, но усерднейшим произволением, со всякою тихостью, с сокрушением мыслей и внутренними слезами, с душевной болезнью и затворением мысленных дверей» [2, с. 11]. И эта тихая бессловесная в сердце произносимая молитва есть большое таинство, которая так же была таинством Боговидца Моисея, праведной Анны и праведного Авеля еще тогда, «когда кровь его испускала глас, превосходнейший гласа трубы» [2, с. 11].

Из вышесказанного становится очевидным, что преп. Паисий выделяет два рода молитвы. Первая, произносимая устами, называется им молитвой «явной», то есть вербальной. И вторая молитва – из уст не исходящая, называемая им «тайной» и в «сердце совершаемой», отчего у святых отцов и получила название «сердечной молитвы». Далее порядок размышлений старца следует таков: первую или внешнюю молитву способны услышать все, но вторая, как молитва тайная, сокрыта для непосвященного уха. А отсюда следует вопрос: способен ли Творец всего сущего услышать эту тайную молитву или Он слышит только ту, которую привычно способен слышать человек? И если ответ касает второй части выше изложенного в вопросе окажется утвердительным, то из этого посыла следует вполне уместный ответ, что «это хула на Бога: ведь Бог сердцеведец, и в точности знает все самые тончайшие сердечные мысли, и даже будущее, и знает все как Бог и Всеведец» [2, с. 10].

Но за вопросом первым следует второй: а может ли эта в сердце произносимая молитва служить причиной какого-либо вреда как, к примеру,

исступления ума или может «молитва ли эта (быть – В.О.) причиною такой прелести»? Вопрос не прост, но ответ старца на него однозначен: не более чем нож, «если бы случилось малому ребенку, играя, по причине неразумия, заколоть себя им» [2, с. 12]. Потому дитю малому и не разумному такие игрушки опасны и не надобны. Иное дело зрелость, хорошо знающая и понимающая предназначение предмета, без которого, если следовать упоминаемой аналогии, в хозяйственной жизни обходиться крайне тяжело. Да, практически и не возможно. Не случайна эта аналогия и вполне уместна. И потому, размышляя о предмете творения «умной молитвы», старец Паисий предостерегает несведущих в этом делании о том, что творение молитвы Иисусовой есть дело полезное, но не безобидное развлечение или игрушка. Ибо подобно мечу обоюдоострому в руках «гордых самочинников» она может служить причиною «бесовских прелестей и всякого душевного вреда» [2, с. 12]. И чтобы не оказаться в плену своего же невежества и гордыни преп. Паисий предлагает рассмотреть этот предмет более внимательно.

Итак, отделив молитву вербальную (устами произносимую) от молитвы умной (сердечной), возникает еще один важный вопрос: почему эта молитва «умной» называется? Размышления на этот счёт он находит уже у святых отцов Каппадокийской школы. Так, согласно св. Василию Великому, поскольку в человеке различаются человек внешний (телесный) и внутренний (духовный), то и «кроме телесных уст имеются умные уста» [2, с. 21]. Преп. Паисий называет их не иначе как: «мысленные уста внутреннего человека» [2, с. 20]. И эта умная молитва, называемая преп. Паисием еще «безгласной, тайной» поскольку «<...>из глубины сердца воссылаемой», потому называется им еще и «сердечной». Обращаясь к свидетельству Святого Писания и творениям святых отцов преп. Паисий Величковский составляет в пользу её особой природы – сердечности («ум в сердце низводя») своеобразный цитатник, выделяя как наиболее весомые следующие: «Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5,8), «Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония» (Второз. 15, 9), «Остави ярость от сердца твоего» (Ек. 11, 9, 10), «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления: Это оскверняет человека» (Мф.15, 19-20).

Но и в самой умной молитве преп. Паисий выделяет две: начальную и конечную. Если молитва первая, называемая им «для новоначальных», принадлежит «деянию», то другая – «для совершенных» и принадлежит «ведению». Следовательно, если первая есть начало пути молитвенного восхождения, то другая – есть его конец. И поскольку деяние есть начало на лестнице восхождения к цели – видению, то и анализ этих этапов не может не представлять живой интерес.

Ссылаясь на авторитет святителя Григория Синаита, старец Паисий таких молитвенных видений выделяет восемь: «видение Бога безвидного, безначального...единой Троицы и пресущественного Божества», «чина и устройства умных сил», «устройства чувственных тварей», «смотрительного

снисхождения Слова», «всеобщего воскресения», «второго и страшного пришествия Христова», «вечного мучения» и «царствия небесного, не имеющего конца» [2, с. 14]. Однако, у всех молитвенных видений есть одна существенная особенность, о которой преподобный старец писал так: «<...>взойти в эти видения не может никто самовластно своим произвольным подвигом, если не посетит кого Бог» [2, с. 15]. Из чего следует, что божественное видение начинается только там, где заканчивается человеческое произволение, и «<...>весь такой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, с достоверностью называется деянием: но никак не видением» [2, с. 15]. Вот почему этап новоначальной умной молитвы (или же деяния), к которому преподобный относит: молитвенное бдение, любовь к ближнему, кротость, смирение и терпение, поклоны и «все подвиги к утомлению тела, а также к умному тайному упражнению молитвы», – есть лишь преддверие видения. Преддверие необходимое, но недостаточное.

Отсюда следует важный вывод, на значимость которого лишь изредка обращают внимание: деяние не есть нечто самодовлеющее – это лишь этап и средство и уж никак не цель. Безрассудно как терпение ради самого терпения, так и не вкушение из запретного списка продуктов в пост ради самого поста, что никак не умаляет значимости и важности деяния как преддверия к достижению заветной цели. Но, в этом вопросе важна и другая сторона. Ежели на этапе молитвенного деяния (известный как «праксис») подчеркнута личное волевое устремление и направлено оно на умаление, покаяние и смирение в деле «очищения души своей и сердца от всякой скверны страстей душевных и телесных», то второй этап (называемый «феория»), имеет подчеркнута созерцательный характер. К тому же, самому молящемуся не ведомо, в какой мере его молящееся сердце приуготовлено для принятия благодати и возведения в духовные видения. Ибо решает об этом не он. Согласно предостережению преп. Паисия Величковского, «<...>если же кто без света благодати дерзнёт восходить на такие видения: тот по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, мечтая и мечтаясь мечтательным духом» [2, с. 15]. Размышления на этот предмет находим и в другом небольшом сочинении старца, известном как «Крины сельные или цветы прекрасные»: «От душевной же чистоты происходит умное виденье. Без сердечной, умной и душевной чистоты, то есть бесстрастия, бесы дерзают входить в нас, возмущают нас и показывают вместо истины прелесть. Ибо чистым только сердцем, душою и умом созерцается Умное Солнце» [3, с. 21]. Ну, а коль скоро необходимость хранения сердечной чистоты от всяческого беззакония и от злых помыслов есть дело самое главное и необходимое в жизнедеятельности каждого человека, то и понятно становится, почему эта первая умная молитва называется преподобным «дейтельная».

Но парадокс в ином. Даже опытные старцы в этом духовном делании имеют риск потерять всё приобретенное, если не сумеют его сохранить и

преумножить. Еще Нил Синайский писал: «Помолившись как должно, ожидай чего не должно». В аскетической литературе для определения такого состояния употребляют термин – «невидимая брань». Но, в любом деле, как известно, нужна сноровка, знания и опыт. И без опытного мастера, как художника дела своего, научиться «невидимой брани» сложно. Отсюда преп. Паисий Величковский делает заключение, что «<...>художеством же святые отцы, как показано, называют эту святую молитву, думаю, потому, что как художеству человек не может научиться сам собою без искусного художника: так и этому мысленному деланию молитвы, без искусного наставника, навыкнуть невозможно» [2, с. 28]. И далее, в главе третьей, снова обращаясь к авторитету святых отцов преп. Паисий пишет: «Да будет известно, что Божественные отцы наши называют это священное мысленное делание молитвы – художеством. Святой Иоанн Лествичник в слове 27-м о безмолвии, уча о таинстве этой умной молитвы, говорит: «Если ты основательно изучил это художество, то не можешь не знать, что говорю»... Святой Исихий пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: «Трезвение есть духовное художество, совершенно, с помощью Божию, избавляющее человека от страстных помыслов и слов, и лукавых дел» (гл.1). Святой Никифор Постник, уча о ней, говорит: «придите, и объявлю вам художество, жди лучше – науку, вечного, лучше же – небесного жительство, вводящую делателя своего, без труда и безопасно в пристанище бесстрашия» [2, с. 15].

Таким образом, умная молитва есть наука и художество, требующая опытного наставника, умения в этом деле и сноровки. И дело это – непрестанная молитва. А что такое молитва? Молитва есть общение через обращение именованья. Согласно цитируемому преподобным св. Иоанну Лествичнику: «молитва по качеству своему, есть общение и соединение человека с Богом: а по действию – утверждение мира, примирение с Богом, мать и опять дочь слез, очищение грехов, мост проводящий через искушения, стена против скорбей, уничтожение браней» [2, с. 30-31]. Но, в молитвенном деле необходимо еще усердие. И усердие это находится в смирении. В смирении, рождающемся от послушания, о котором преп. Паисий пишет так: «<...>предать себя в полное отсечение своей воли и своего рассуждения – человеку, боящемуся Бога, усердному хранителю Его Божественных заповедей и не опытному в этом мысленном подвиге, могущему, по писанию святых отцов, показать повинующемуся незаблудный путь ко спасению – путь умного делания молитвы, тайно совершаемой умом в сердце» [2, с. 29]. Так усердие рождает опыт. И опыт тот состоит в том, чтобы делание молитвы этой было непрестанно, и чтобы «<...>ею постоянно содержать в душе и сердце Весладчайшего Иисуса, поминая в себе непрестанно Его вседражайшее Имя и этим распаляться к неизреченной Его любви» [2, с. 33]. И от того молитва эта есть такое оружие, что как меч духовный, согласно преп. Паисию, нету иного «более крепкого, ни на небе ни на земле» [2, с. 36].

Итак, если кратко и в форме вывода:

1. Умно-сердечная молитва есть духовное искусство, резец и путь к преображению, способ очищения сердца от греховных помыслов и копоти греха. Согласно преп. Паисию Величковскому молитва как 6-ая из 10-ти добродетелей [3, с. 16] есть меч духовный в борьбе со страстями, цель которой – преображение человека, созерцание нетварного Божественного света, $\theta\acute{\epsilon}\omicron\sigma\iota\zeta\epsilon$ –обожение.

2. Науку и искусство непрестанной молитвы называют аскетикой. Согласно замечанию нашего современника С.С. Хоружего, уже в «<...>IV-VII вв., аскетика во всех отношениях достигает уровня науки: в ней есть свои школы, авторитеты, классические трактаты, есть выработанные методы и открытые законы» [4, с. 77]. Стало быть: аскетика – это такое духовное искусство, материалом для которого есть сам человек, а Художником – Творец. И в этом подвиге покаяния, в практике умного делания сведения ума в сердце непрестанно молитвы, творится новый человек как продукт «личностного бытия-общения» – синергии Творца и его творения, венцом которого есть святость как «новый человек». И этот «новый человек» как тот, «кого посетит Господь», есть продукт сотворчества Творца и его творения. Он и есть цель $\theta\acute{\epsilon}\omicron\sigma\iota\zeta\epsilon$.

3. Вот почему, «<...>учение об обожении есть центральная тема византийского богословия и всего опыта восточного христианства» [4, с. 123] в которую свою лепту внес и старец Паисий Величковский.

1. Житие преподобного Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном // Преподобный Паисий Величковский. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2006.
2. Старец Паисий Величковский Об умной или внутренней молитве. Сочинение блаженного старца схимонаха и архимандрита Паисия Величковского настоятеля Нямецкого и других монастырей в Молдавии и основателя Русского Ильинского скита на Афоне переведено с славянского. Издание третье Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Москва, Типо-литография П. Ефимова, Большая Якиманка, собств. Дом. 1902. Электронный ресурс доступа: http://www.krotov.info/library/03_v/vel/ichkovsky_02.htm
3. Старец Паисий Величковский. Крины сельные или цветы прекрасные. Учение старца Паисия об Иисусовой Молитве, умом в сердце совершаемой. Товарищество «Задруга». Киев, 1997.
4. Хоружий С.С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики православия. Научный сборник под общей редакцией С.С. Хоружего М.: ДИ-ДИК, 1995.